

Роль семьи и школы в формировании идентичности грузинских школьников в Москве¹

The role of the family and the school in forming the identities of ethnic Georgian schoolchildren in Moscow

Зубалов Д. Ю., Шуванникова Е. М.

Zubalov D. Yu., Shuvannikova E. M.

В исследовании рассматривается роль семьи и школы в формировании идентичности грузинских школьников, обучающихся в московской школе с этнокультурным грузинским компонентом. Как семья, так и школа оказывают влияние на то, как студенты воспринимают себя в культурной среде и какой язык (языки) они считают своим родным(и). Школа оказывает институциональную поддержку грузинскому языку, а общение внутри семьи укрепляет коммуникативные навыки школьников в общении на грузинском языке. Данные свидетельствуют о том, что, несмотря на высокую степень принадлежности к грузинской общности, а также чувство отнесенности к определенной культурной среде, большинство школьников способны осваивать российскую учебную программу в рамках российской системы образования.

Ключевые слова: языковая политика, образование, миграция, идентичность, грузинская община

The present study investigates the role of the family and the school in identity formation of Georgian students in a Moscow school that integrates Georgian ethno-cultural components into the curriculum. Both family and school appear to exert influence on how students perceive

---

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ №16-04-00474 «Языки Москвы» (2016–2018).

themselves culturally and what language(s) they self-ascribe as their mother tongue(s). The school provides institutional support for the Georgian language, while the communication within the family domain strengthens the children's Georgian communicative skills. In addition, the evidence shows that despite a strong sense of cultural allegiance to the Georgian community, most students are able to follow the Russian curriculum within the framework of the Russia's education system.

Key words: Language policy, education, migration, identity, Georgian community

Введение

Москва — самый населённый город России. Это город федерального значения и самый большой по численности населения субъект Российской Федерации. Современная Москва — мировой мультиэтнический, мультикультурный и многоязычный центр. Согласно данным Всероссийской переписи населения², в 2010 г. в Москве проживало 11 503 501 человек. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2016 г.³, численность населения Москвы составила 12 330 126 человек.

Рост численности населения связан с процессами миграции. Процесс внутренней и внешней миграции в Москве достаточно активен. По данным ГУВМ МВД РФ, в разные месяцы 2015 г. на территории России проживало от 9 948 099 до 11 104 604 иностранных граждан и лиц без гражданства.⁴ Примерно

---

² Всероссийская перепись населения 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.06.2017).

³ Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.06.2017).

⁴ Данные Главного управления по делам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный

такое же число мигрантов проживало и работало в России в 2016 г. По сведениям ГУВМ МВД РФ — 9 865 598 человек (на апрель 2016 г.).⁵ В Москву приезжают мигранты из стран бывшего СССР, в том числе и из Грузии. Согласно переписи населения, количество грузин в России в 2010 г. составляло 157 803 человека, из них в Москве проживали 38 934 человека.

В стране реализуется специальная политика в отношении мигрантов, цель которой — обеспечить комплексный подход к адаптации прибывающих мигрантов в российскую среду. В 2017 г. рассматривается проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации».⁶ В проекте закона вводятся такие понятия, как «адаптационный контракт», «интеграционный контракт» и другие. Реализация закона (в случае его утверждения) может занять длительное время. Однако грузинские школьники, обучающиеся в Москве, вынуждены жить и интегрироваться в российскую действительность уже сейчас. Процессы адаптации и самоидентификации у школьников протекают по-разному. Ключевую роль при этом играют семья и школа.

Важно отметить, что русский язык приобретает все большую популярность на постсоветском пространстве [Алпатов 2013; Pavlenko 2006; Zoumpalidis 2017]. После распада

ресурс]. URL: https://гувм.мвд.пф/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskie_svedenija_po_migracionno/item/57508/57514/ (дата обращения: 25.06.2016).

⁵ Данные Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://гувм.мвд.пф/about/activity/stats/Statistics/Svedenija_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/ (дата обращения: 20.06.2017).

⁶ Проект закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=116341#0> (дата обращения: 20.06.2017).

Советского Союза большинство стран начали продвигать государственную языковую политику с целью стандартизировать национальные (местные) языки. В некоторых странах сохранилось двуязычие [Schlyter 2014] (наряду с государственным языком, используется и русский). В других странах постсоветского пространства важную роль играла политическая стратегия по продвижению национальных языков с целью укрепления единства нации. Эта стратегия частично (а иногда полностью) являлась идеологическим инструментом по деруссификации [Pavlenko 2013].

В данной работе исследуется роль языка в грузинской семье, а также его влияние на процесс формирования идентичности этнических грузин-подростков, проживающих в Москве. Также рассматривается стратегия языковой политики, реализуемая в московской школе № 1331 «Молодая Иверия»⁷ с грузинским этнокомпонентом с целью сохранения грузинского языка и грузинской идентичности школьников.⁸

Теоретические положения

Языковая политика и языковое планирование повлияли на многие области социолингвистических исследований и породили новые подходы к осмыслению языка, общества и процессов познания, что подтверждается многочисленными научными публикациями [Ricento 2013: 525; Grin 2013; Taylor-Leech, Liddicoat 2014]. Языковая политика семьи является значимой также в изучении процессов витальности языка в мультилингвальных общинах [Li Wei 2012]. Семья как

⁷ На момент проведения исследования школа называлась: Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1331 “Молодая Иверия”». Сейчас школа вошла в состав средней общеобразовательной школы с углубленным изучением иностранного языка № 1231 имени В. Д. Поленова. Сайт школы: <http://school1231.ru/>

⁸ См. также исследования о детях мигрантах в российской школе [Баранова 2012; Александрова и др. 2012].

социальная единица имеет собственные нормы языкового поведения и в результате становится фокусом реального употребления языка и языковой социализации [Lanza 2007]. Миграционные процессы и сопутствующие социо-экономические трансформации часто влияют на языковую структуру в семьях. Согласно исследованию [Zhang 2013: 563], языковая политика часто формируется под влиянием языковых идеологий и отношения к языку, а также с учетом социокультурных, геополитических и экономических факторов. Стоит отметить тот факт, что языковые идеологии часто являются результатом социо-экономических и социо-исторических условий, в которых развиваются нации, общины или отдельные группы. В этой связи, языковые идеологии имеют тенденцию меняться в зависимости от социо-политических и исторических линий развития в соотношении власти, различных форм дискриминации, построения общества, формирования единства нации и так далее [Blommaert 1999]. Таким образом, языковые идеологии позволяют исследовать мета-уровень социокультурно мотивированных точек зрения, идей, политических и культурных восприятий языка в определенном контексте. Это дает возможность рассматривать социальную и политическую значимость языковых практик [Woolard 1998; Jaffe 1999; Kroskrity 2004; Blommaert 2006; Charalambous et al 2016].

Поскольку семья рассматривается как социальная единица, а школа является важной институциональной средой, языковая политика и языковая идеология непосредственно связаны, так как они формируются в контексте широких социо-политических и культурных взаимоотношений [King et al. 2008; Li Wei 2012]. Для исследования языковой политики в московской школе № 1331 «Молодая Иверия» и внутри грузинской семьи важно изучить языковое поведение для формирования идентичности в данной языковой группе. В этой связи московская школа № 1331 на макроуровне и семья на микроуровне с установившейся языковой политикой [King, Fogle 2013; Schwartz, Verschik 2013] могут быть

рассмотрены как структуры, отвечающие за формирование социализации и идентичности в процессе воспитания и образования школьников.

Методология

Полевая работа предполагает комплексный методологический подход, который нацелен на более четкое прояснение социолингвистической ситуации с жизнью грузинской общины в Москве. Методология включает использование анкет, интервью и наблюдений. Полевая работа проводилась в 2015–2016 гг.

Анкеты

Субъективные анкеты для выявления этнолингвистической витальности (subjective ethnolinguistic vitality questionnaires (SEVQ) [Bourhis et al. 1981] были разработаны для работы со школьниками. Всего было получено 115 анкет. 74 анкеты были заполнены школьниками 6–11 классов: возраст от 12 до 19 лет; 56,1 % девочки, 43,8 % мальчики; из них 54,1 % родились в России, 43,2 % в Грузии, 1,3 % на Украине, 1,3 % в Армении. Эти анкеты также были адаптированы и под взрослых. В результате по ним удалось опросить около 40 взрослых людей (родителей и учителей грузинского происхождения в возрасте от 38 до 70 лет). Обе анкеты предлагались на русском языке. Вопросы анкет касались факторов, на основе которых можно было извлечь демографическую, лингвистическую, социолингвистическую информацию, а также данные о билингвизме (мультилингвизме), языковом использовании, языковом выборе, отношении к языку и, наконец, о языке и идентичности. В анкету также были включены несколько контрольных вопросов.

Интервью

Всего было проведено восемь полуструктурированных интервью: четыре индивидуальных и четыре групповых.

Два интервью были проведены с директором школы, одно — с преподавателем истории и еще одно — с преподавателем русского языка и литературы. Три групповых интервью проводились со школьниками 7, 8 и 11 классов. Среднее количество студентов в интервьюированной группе — пять человек. Аналогичным образом, одно групповое интервью было проведено с двумя учителями, один из которых преподавал русский язык и литературу, а другой — грузинский язык и литературу. Общее время интервью составило 5 часов 2 минуты. Настоящие имена всех респондентов были заменены на псевдонимы.

Наблюдение

Мы наблюдали языковое взаимодействие школьников как в их общении друг с другом, так и с учителями, и наоборот, во время различных занятий в 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 классах. Подобным же образом мы наблюдали языковое поведение учащихся за пределами классной комнаты — в коридоре во время перерывов между занятиями, во время национальных торжеств, организовывавшихся в школе. В качестве основного метода сбора данных в ходе наблюдения использовался метод ведения заметок. Именно метод наблюдения позволил нам получить доступ к исследуемому языковому сообществу и фактам реального языкового поведения. Данный метод позволил пронаблюдать модели реального использования языка, а также фактических языковых установок и отношения к языку, влияющих на языковое поведение и, следовательно, на процессы функционирования языка во взаимосвязи с процессами построения идентичности.

Результаты исследования

Языковая политика в школе

Официально языком преподавания в школе является русский. Это, однако, вовсе не означает, что на занятиях используется исключительно русский язык. В Таблице 2 приведены

данные, показывающие, что большинство грузинских учителей при реализации российской школьной программы используют в основном русский язык, но при необходимости, позволяют школьникам переходить и на грузинский язык.

Таблица 1. Язык(и), используемый(е) информантами на занятиях в школе при общении с грузинскими учителями.

Использование языка на занятиях	%
Только / в основном грузинский	0
Одинаково грузинский и русский	29,8
Только / в основном русский	70,1

Это происходит из-за того, что уровень владения некоторыми школьниками русским языком недостаточно высок в силу того, что они приехали в Россию сравнительно недавно и не имели возможности овладеть этим языком в той степени, которая позволяла бы им свободно использовать его при овладении школьной учебной программой. Большинство этнических грузинских учителей знают о языковых трудностях, с которыми сталкиваются эти ученики в повседневной жизни и поэтому допускают переход на другой язык, чтобы сделать процесс обучения более эффективным. Это особенно заметно на уроках русского языка и литературы, где сложные грамматические конструкции, а также обилие незнакомых русских слов часто снижают уровень эффективности усвоения уроков такими учениками.

Важным является то, что грузинские учителя стараются дать вновь прибывшим школьникам, мало что знающим о России, общее представление о русской литературе и культуре.

В этой связи Гиви, преподающий в школе русский язык и литературу, подчеркивает важность преподавания не только русского языка, но и русской культуры.

Интервью 1.

Гиви: Я считаю, что надо приобщить детей, наших обучающихся, это, конечно, **в первую очередь**, к великой русской культуре. Ну, я это говорю как учитель русского языка, так как у нас многонациональные классы... Вот в 7-ом классе там есть 5 национальностей.
(...)

Гиви: Роль учителя, не отрываясь от национальной культуры (*Грузинской, ДЗ*), сохраняя традиции (*Грузинские, ДЗ*), вот..

(...)

ДЗ: Угу

Гиви: обычаи, нравы... приобщить детей к русской культуре **в первую очередь**.

В приведенном фрагменте интервью примечательно, что Гиви подчеркивает — его ученики должны знать то, что русские называют «великим», значимым. Будучи учителем русского языка, он видит это в качестве своей главной цели, неоднократно повторяя, что это должно быть сделано «в первую очередь». Это, однако, не должно происходить за счет грузинской культуры, традиций, обычаев и ценностей. Таким образом, становится очевидным, что преподавая российскую культуру, Гиви также ратует и за то, чтобы его ученики сохраняли свою грузинскую идентичность, свое грузинское культурное наследие. Гиви чувствует ответственность за то, чтобы его грузинские школьники не пренебрегали грузинской культурой и не забывали ее. В этом отношении показательным является интервью с грузинским учителем, который учит грузинскому языку и литературе, утверждая, что роль учителя в школе с грузинской этнокультурной составляю-

щей заключается не только в том, чтобы культивировать, но и максимально поддерживать идентичность у грузинских школьников в России:

Интервью 2.

Майя: Знаете, что самое главное? Чтоб дети хорошо знали свой язык, культуру, вера, своё прошлое, и чтобы они были воспитаны как, как в Грузии.

ДЗ: Да.

Майя: Несмотря что, это, в... Россия, это совсем другая страна, другая традиция, допустим, но у нас вера, самое главное, что одинаковая.

Таким образом, мы можем наблюдать, что, во-первых, на уровне школы имеется основательная институциональная поддержка грузинского языка, культуры, традиций; во-вторых, делается акцент на формирование идентичности детей-грузин — им прививаются нравы и обычаи «как в Грузии». Данная стратегия очень хорошо отображается в результатах, представляющих то, какой язык учащиеся считают своим родным языком.

Таблица 2. Язык(и), который(е) информанты назвали своим(и) родным(и).

Родной язык	%
Грузинский	87,7
Русский	5,2
Грузинский и русский	5,2
Армянский	1,7

Данные Таблицы 2 показывают, что очень высокий процент учащихся считают своим родным языком грузинский. Это свидетельствует об очень положительном отношении к своему родному языку (несмотря на то, что некоторые учащиеся могут и не владеть грузинским языком в достаточной мере). Если мы сравним данные Таблицы 1 и Таблицы 2, то увидим, что ни один из учеников не использует исключительно грузинский язык при общении с учителем на уроке (хотя, для большинства учащихся, как видно из Таблицы 2, грузинский является родным языком). Всего лишь треть респондентов заявили, что используют в одинаковой степени как грузинский, так и русский. Большинство учащихся (чуть более 70 % процентов) отметили, что используют исключительно русский язык при общении с учителем в классе — язык, который всего около 5 % респондентов считают родным. Данная картина демонстрирует, что несмотря на довольно основательную институциональную поддержку грузинского языка и грузинской идентичности учащихся, языковые идеологии в школе формируют довольно позитивное отношение к своему родному языку (грузинскому), культуре и традициям.

В тоже время важно отметить, что, несмотря на данную поддержку на уровне школы, большинство учащихся прибегают к использованию русского языка на уроке (хотя знают, что их учителя в своем большинстве в совершенстве владеют и грузинским языком тоже), что демонстрирует осознанный интерес и стремление детей не только улучшить свои навыки русского языка, но и познавать другие дисциплины, приобретать знания посредством русского языка.

Язык в семье

Анализ анкетных данных взрослых (родителей и учителей грузинских школьников, обучающихся в Москве) позволил сделать следующие выводы о факторах, влияющих на самоидентификацию грузинских школьников.

Во-первых, большое значение для самоидентификации имеет место рождения, взросления и освоения языка. Так, например, информанты старшего поколения, родившиеся и прожившие в Грузии до 18–20 лет (главный период усвоения языка) и потом переехавшие жить в Россию, чаще всего считают своим родным языком грузинский, хотя, проживая длительное время в России, они одинаково хорошо владеют как русским, так и грузинским языками. При этом они ощущают себя принадлежащими одновременно к двум сообществам — российскому и грузинскому, отдавая предпочтение все же грузинскому, поскольку большинство из них — грузины по национальности, имеющие российское гражданство. Также важную роль играет грузинский язык в определении принадлежности к «своей» группе.

Что касается школьников, большинство из них провели в Грузии либо лишь несколько детских лет, либо вовсе там никогда не были, т. к. родились в России (см. раздел «Методология»). Интересен тот факт, что несмотря на это большинство школьников соотносят себя как с грузинским, так и с российским сообществом, отмечая, что грузинское для них ближе.

Свою причастность к грузинскому сообществу отмечают даже те школьники, которые родились в России, не говорят на грузинском языке и никогда не были в Грузии. На вопрос «Почему?» большинство из них отвечает: «Потому что там мои корни». Это в очередной раз подчеркивает сильное чувство принадлежности к своей (этнической) группе (см. Таблица 3).

Таблица 3. Чувство принадлежности грузинских школьников к определенному сообществу.

Принадлежность к сообществу	%
Грузинское	14,8
Российско-грузинское	85,1

Во-вторых, самоидентификация может быть связана с отношением к родному языку. Далеко не все грузины полагают, что, чтобы считать себя грузином, непременно нужно знать грузинский язык. Это выявляют данные опроса школьников, их родителей и учителей. Согласно полученным данным, отраженным в Таблице 4, многие школьники относят себя к грузинам, полагая, что, чтобы считать себя грузином, не обязательно знать грузинский язык — важно то, где твои корни. Однако люди старшего поколения (60+), прожившие в Грузии не менее 40 лет, как правило, полагают, что, чтобы быть (или считать себя) грузином, важно непременно знать грузинский язык. Они устанавливают прямую соотнесенность между принадлежностью к грузинской национальности и знанием языка.

Таблица 4. Влияние знания родного языка на процесс самоидентификации

Нужно ли знать грузинский язык, чтобы считать себя грузином?	%
Да	18
Нет	82

В-третьих, особенности самоидентификации связаны не только с отношением к языку, но также и с социальным статусом. В частности, удалось пронаблюдать интересную закономерность у женщин. Так, женщины-информанты, не являющиеся домохозяйками, в 80 % случаев считают себя московскими грузинками, называют родными языками как грузинский, так и русский, и отмечают, что внутри семьи они говорят одинаково часто на обоих языках.

В отличие от них, женщины грузинского происхождения, являющиеся домохозяйками, считают родным только

грузинский язык, предпочитают говорить в семье только на нем, родиной для них является Грузия, и они называют себя грузинками (а не московскими грузинками). Естественно, социальный статус матери грузинского школьника влияет и на его самоидентификацию. Если в семье говорят только на грузинском языке, вероятность того, что школьник будет считать своим родным языком грузинский, а себя — грузинком, безусловно, выше.

В-четвертых, на самоидентификацию влияют, с одной стороны, национальность, с другой стороны — гражданство. В случае с грузинами, проживающими в Москве, показательным является тот факт, что большинство опрошенных информантов, проживающих в России более 7 лет, ощущают себя принадлежащими сразу к двум сообществам — российскому и грузинскому. При этом большинство таких информантов на вопрос «Какое сообщество Вам ближе?» однозначно отвечают, что грузинское. Причем, такой ответ характерен как для школьников, так и для их родителей и учителей (см. данные Таблицы 5).

Таблица 5. Приоритет грузинских школьников в соотношении себя с определенным сообществом (в случаях, когда близки и грузинское, и российское сообщества).

Какое сообщество Вам ближе?	%
Российское	12,7
Грузинское	87,3

Это показывает, что как в семье, так и в школе молодому поколению передаются грузинские традиции, чувство культурной и этнической принадлежности. Отнесение себя

сразу к двум сообществам, очевидно, связано с тем, что большинство опрошенных информантов, являясь грузинами по национальности, имеют российское гражданство. Безусловно, это не единственный фактор, влияющий на самоидентификацию, однако можно предположить, что более значимым в формировании самоидентичности школьника является не гражданство, а принадлежность к определенной национальности, что, зачастую, в случае мигрантов, проживающих в Москве, соотносится как врожденное (национальность) и приобретенное (гражданство).

Таблица 6. Данные по самоидентификации, предоставленные детьми-грузинами

Кем ты себя ощущаешь?	%
Грузином	54
Московским грузином	37,8
Русским грузином	6,7
Армянским грузином	1,3

Представленные в Таблице 6 данные интересны тем, что чуть больше половины информантов школьного возраста заявили, что они «грузины» (54 %), в то время как 37,8 % и 6,7 % информантов отметили, что они «московские грузины» и «русские грузины», соответственно. Это показывает, что для информантов, помимо своей этнической принадлежности, также важна и так называемая «локальная идентичность» (local identity), т. е. идентичность, приобретаемая в силу влияния социо-экономических и культурных факторов, включая фактор языковой идеологии страны (города) пребывания.

И, если объединить этих информантов в одну группу по принципу локальной идентичности, то процент возрастет до 44,5 %, что приближает их к первой группе информантов, считающих себя «грузинами» (54 %). Таким образом, мы можем наблюдать, что для менее чем половины опрошенных респондентов, обучающихся и живущих в Москве, важную роль в их самоидентификации играет российский (социо-экономический, культурный, лингво-идеологический) элемент, который присутствует в их социальной и образовательной среде на постоянной основе. Важно отметить, что русский язык для многих является доминирующим.

Выводы

На основе проанализированных данных, было показано, что в свете доминирующих языковых идеологий в грузинской семье, а также языковой политики, проводимой в московской школе с этнокультурным грузинским компонентом, роль семьи и школы в формировании идентичности грузинских школьников довольно значима. С одной стороны, школа предоставляет возможность для изучения не только грузинского языка и культуры, но и видит в качестве главной цели сохранение этнокультурного наследия в условиях временной/постоянной миграции. С другой стороны, школой предпринимаются активные меры по социализации и адаптации детей в образовательную среду Российской Федерации.

Было отмечено, что роль взрослого населения (родителей) в формировании самоидентификации грузин-школьников велика. Период нахождения на территории России также влияет на чувство принадлежности к определенной общности. Так, в частности, большинство опрошенных информантов, проживающих в России более 7 лет, ощущают себя принадлежащими сразу к двум сообществам — российскому и грузинскому. Данный факт в совокупности с вышеупомянутыми факторами, оказывающими влияние на самоидентификацию школьников,

показывает, что идентичность может формироваться под влиянием «локальных» элементов в условиях российского мегаполиса, доминирующих языковых идеологий, с одной стороны, и российской системой образования, с другой. Таким образом, мы можем отметить, что школьники-грузины, имея высокую степень принадлежности к своей этнической группе, в то же время считают важным российский элемент своей идентичности, проживая (и, возможно, планируя свою будущую карьеру) в Москве.

Литература

Александров Д., Баранова В., Иванюшина В. Дети и родители — мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы Образования. 2012, № 1. С. 176–199.

Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двухязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. 2013, № 2 (12). С. 11–22.

Баранова В. Языковая социализация детей мигрантов // Антропологический Форум. 2012, № 17. С. 157–172.

Blommaert J. The Debate Is Open // *J. Blommaert* (ed.) Language Ideological Debates. Berlin–New York, 1999. P. 1–38.

Blommaert J. Language Ideology // *K. Brown* (ed.) Encyclopedia of Language and Linguistics (2nd Edition). Oxford, 2006. P. 510–522.

Bourhis R., Giles H., Rosenthal D. Notes on the construction of a ‘Subjective Vitality Questionnaire’ for ethnolinguistic groups // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1981, № 2(2). P. 145–155.

Charalambous P., Charalambous C., Zembylas M. Language Ideologies and Interethnic Conflict: Negotiating Turkish Linguistic Identities in a Superdiverse Greek-Cypriot classroom // Applied Linguistics Review. 2016, № 7(3). P. 327–352.

Grin F. Language policy, ideology, and attitudes: Key issues in western Europe // *R. Bayley, R. Cameron and C. Lucas* (eds.)

The Oxford Handbook of Sociolinguistics. Oxford, 2013. P. 629–650.

Jaffe A. (ed.) Ideologies in Action: Language Politics on Corsica. Berlin, 1999.

King K., Fogle L. Family Language Policy and Bilingual Parenting // Language Teaching. Surveys and Studies. 2013, № 6 (2). P. 172–194.

King K., Fogle L., Logan-Terry A. Family Language Policy // Language and Linguistics Compass. 2008, № 2 (5). P. 907–922.

Kroskrity, P. Language Ideologies // *A. Durant* (ed.) A Companion to Linguistic Anthropology. Oxford, 2004. P. 496–517.

Lanza E. Multilingualism and the family // *Li Wei, P. Auer* (eds.) Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication. Berlin, 2007. P. 45–67.

Li W. Special issue: Language policy and practice in multilingual, transnational families and beyond // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2012. P. 1–2

Pavlenko A. Russian as a Lingua Franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2006, № 26. P. 78–99.

Pavlenko A. Language management in the Russian Empire, Soviet Union, and Post-soviet countries // *R. Bayley, R. Cameron, Lucas C.* (eds.) The Oxford Handbook of Sociolinguistics. Oxford, 2013. P. 651–679.

Ricento T. Language Policy, Ideology, and Attitudes in English-dominant Countries // *R. Bayley, R. Cameron, Lucas C.* The Oxford Handbook of Sociolinguistics. Oxford, 2013. P. 525–544.

Schlyter B. Multilingualism and Language Renewal in Ex-Soviet Central Asia // *T. K. Bhatia, W. C. Ritchie* (eds.) The Handbook of Bilingualism and Multilingualism. Oxford, 2014. P. 871–898.

Schwartz M., Verschik A. (eds.) Achieving Success in Family Language Policy: Parents, Children and Educators in Interaction // Successful Family Language Policy Parents, Children and Educators in Interaction. Dordrecht, 2013. P. 1–20.

Taylor-Leech K., Liddicoat A. J. Macro-language planning for multilingual education: Focus on programmes and provisions. *Current Issues in Language Planning*, 2014, № 15 (4). P. 353–360.

Woolard K. A. Introduction: Language Ideology as a Field of Inquiry // *B. Schieffelin, K. A. Woolard, P. Kroskrity* (eds.) *Language Ideology: Practice and Theory*. New York, 1998. P. 3–49.

Zhang Q. Language Policy and Ideology: Greater China // *R. Bayley, R. Cameron, C. Lucas* (eds.) *The Oxford Handbook of Sociolinguistics*. Oxford, 2013. P. 563–586.

Zoumpalidis D. Changing attitudes: Reconsidering the role of Turkish in the community of Pontic Greeks in Cyprus // *Journal of the Anthropological Society of Oxford*. 2017, № 9 (1). P. 25–42.

Интернет-источники

Всероссийская перепись населения 2010. [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm] (дата обращения: 20.06.2017).

Федеральная служба государственной статистики. [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#] (дата обращения: 10.06.2017).

Главное управление по делам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. [https://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskie_svedeniya_po_migracionno/item/57508/57514/] (дата обращения: 25.06.2016).

Проект закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». [<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=116341#0>] (дата обращения: 20.06.2017).

Сайт Школы №1231. [<http://school1231.ru/>] (дата обращения: 20.06.2017).

References

Aleksandrov D., Baranova V., Ivanyushina V. Deti i roditeli — migranty vo vzaimodeistvii s rossiiskoy shkoloj // Voprosy Obrazovaniya. 2012, № 1. P. 176–199. (In Russ.)

Alpatov V. M. Yazykovaya politika v sovremennom mire: «odnoyazychkaya» i «dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoy assilyatsii // Comparative politics. 2013, № 2 (12). P. 11–22. (In Russ.)

Baranova V. Yazykovaya sotsializatsiya detei migrantov // Antropologicheskii Forum. 2012, № 17. P. 157–172. (In Russ.)

Blommaert J. Language Ideology // *K. Brown* (ed.) Encyclopedia of Language and Linguistics (2nd Edition). Oxford, 2006. P. 510–522.

Blommaert J. The Debate Is Open // *J. Blommaert* (ed.) Language Ideological Debates. Berlin–New York, 1999. P. 1–38.

Bourhis R., Giles H., Rosenthal D. Notes on the construction of a ‘Subjective Vitality Questionnaire’ for ethnolinguistic groups // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1981, № 2(2). P. 145–155.

Charalambous P., Charalambous C., Zembylas M. Language Ideologies and Interethnic Conflict: Negotiating Turkish Linguistic Identities in a Superdiverse Greek-Cypriot classroom // Applied Linguistics Review. 2016, № 7(3). P. 327–352.

Grin F. Language policy, ideology, and attitudes: Key issues in western Europe. // *R. Bayley, R. Cameron and C. Lucas* (eds.) The Oxford Handbook of Sociolinguistics. Oxford, 2013. P. 629–650.

Jaffe A. (ed.) Ideologies in Action: Language Politics on Corsica. Berlin, 1999.

King K., Fogle L. Family Language Policy and Bilingual Parenting // Language Teaching. Surveys and Studies. 2013, № 6 (2). P. 172–194.

King K., Fogle L., Logan-Terry A. Family Language Policy // Language and Linguistics Compass. 2008, № 2 (5). P. 907–922.

Kroskrity, P. Language Ideologies // *A. Durant* (ed.) *A Companion to Linguistic Anthropology*. Oxford, 2004. P. 496–517.

Lanza E. Multilingualism and the family // *Li Wei, P. Auer* (eds.) *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin, 2007. P. 45–67.

Li W. Special issue: Language policy and practice in multilingual, transnational families and beyond // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2012. P. 1–2

Pavlenko A. Language management in the Russian Empire, Soviet Union, and Post-soviet countries // *R. Bayley, R. Cameron, Lucas C.* (eds.) *The Oxford Handbook of Sociolinguistics*. Oxford, 2013. P. 651–679.

Pavlenko A. Russian as a Lingua Franca // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2006, № 26. P. 78–99.

Ricento T. Language Policy, Ideology, and Attitudes in English-dominant Countries // *R. Bayley, R. Cameron, C. Lucas* *The Oxford Handbook of Sociolinguistics*. Oxford, 2013. P. 525–544.

Schlyter B. Multilingualism and Language Renewal in Ex-Soviet Central Asia // *T. K. Bhatia, W. C. Ritchie* (eds.) *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. Oxford, 2014. P. 871–898.

Schwartz M., Verschik A. (eds.) *Achieving Success in Family Language Policy: Parents, Children and Educators in Interaction // Successful Family Language Policy Parents, Children and Educators in Interaction*. Dordrecht, 2013. P. 1–20.

Taylor-Leech K., Liddicoat A. J. Macro-language planning for multilingual education: Focus on programmes and provisions. *Current Issues in Language Planning*, 2014, № 15 (4). P. 353–360.

Woolard K. A. Introduction: Language Ideology as a Field of Inquiry // *B. Schieffelin, K. A. Woolard, P. Kroskrity* (eds.) *Language Ideology: Practice and Theory*. New York, 1998. P. 3–49.

Zhang Q. Language Policy and Ideology: Greater China // *R. Bayley, R. Cameron, C. Lucas* (eds). *The Oxford Handbook of Sociolinguistics*. Oxford, 2013. P. 563–586.

Zoumpalidis D. Changing attitudes: Reconsidering the role of Turkish in the community of Pontic Greeks in Cyprus // *Journal of the Anthropological Society of Oxford*. 2017, № 9 (1). P. 25–42.

Зубалов Денис Юрьевич

Научно-исследовательский университет Высшая школа
экономики

Москва, Россия

Zubalov Denis Yurievich

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russia

dzubalov@hse.ru

Шуванникова Елена Михайловна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Shuvannikova Elena Mikhailovna

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

elena.shuvannikova@gmail.com